

ПРИДВОРНАЯ СЛУЖБА ЧИНГИСИДОВ В РОССИИ XVI–XVII ВЕКОВ

А. В. Беляков

Филиал Московского психолого-социального института в г. Рязани

Поступила в редакцию 11 июля 2011 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка классифицировать все известные случаи участия служилых татарских царей и царевичей, а также их жен в придворном церемониале России XVI–XVII вв. Это позволяет наглядно представить истоки и эволюцию данного явления во времени.

Ключевые слова: Чингисиды, придворный церемониал, Русское государство XVI–XVII вв.

Abstract: the given article is an attempt to classify all the recorded cases of the employed Tatar tsars and tsareviches as well as their wives regarding their roles in the ceremonial of the court in Russia in XVI–XVII centuries. It delivers a comprehensive idea of the origin and temporal evolution of this phenomenon.

Key words: Descents from Genghis Khan, ceremonial of the court, Russia in XVI–XVII centuries.

Если обратиться к сведениям, содержащимся в летописях, разрядных книгах, записках иностранцев, и иным источникам, то можно увидеть татарских царей и царевичей (Чингисидов – потомков Чингисхана) на приеме иностранных послов, свадьбах, церемониях венчания на царство, похоронах, различных религиозных и иных церемониях в России. В определенные исторические моменты присутствие этих знатных выходцев с Востока во многих церемониях, носящих государственный характер, становится практически обязательным. Однако до настоящего времени исследователи не предприняли попыток обобщить эти разрозненные сведения. Попытаемся исправить данное упущение и рассмотрим все известные нам случаи, сгруппировав их по отдельным категориям. Это поможет понять их роль в истории России.

1. Присутствие при приеме иностранных послов

1517 г. апрель – казанский царевич Петр Ибрагимович присутствовал на приеме цесарского посла С. Герберштейна. У стола, к которому пригласили посла, также находилось несколько крещеных татарских царевичей [1, с. 213, 216].

1523 г. – казанский царевич Федор Мелегдаирович с боярами во время Казанского похода Василия III принимал от имени великого князя польского посла Богдана Довгирдова [2, с. 135–136].

1557 г. сентября 14 – за столом с англичанами, прибывшими на службу с русским послом О. Г. Непеем, в присутствии Ивана Грозного сидели казанские цари Симеон Касаевич и Александр Сафакиреевич [3, с. 14].

1557 г. декабря 8 – при приеме ливонского посла Т. Хернера Иваном IV присутствовали цари Шах-

Али б. Шейх-Аулеар и Александр Сафакиреевич, сидевшие по сторонам [4, с. 6].

1557 г. декабря 25 – А. Дженкинс был принят Иваном Грозным. Рядом с царем сидел юный казанский царь Александр Сафакиреевич [5, с. 76].

1558 г. февраль – имеется упоминание о том, что касимовский царь Шах-Али б. Шейх-Аулеар во время Ливонского похода с ведома и по поручению Ивана IV принял на себя номинальные дипломатические функции с целью мирного разрешения конфликта [6, с. 208–209].

1570/71 г. – касимовский царь Саин-Булат б. Бекбулат (Симеон Бекбулатович) и астраханский царевич Михаил Кайбулович (Муртаза-Али б. Абдула) присутствовали на приеме гонца императора Максимилиана Магнуса Павлуса и датского посланника [РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. 1659 г. – Д. 1. – Л. 1].

1572 г. январь – царевич Михаил Кайбулович, находясь во главе Земской Боярской Думы, принимал в Новгороде в Разрядной избе шведского посла Павла бископа Абовского [7, с. 206–228].

1575/76 г. при приеме литовских гонцов Иван Грозный сажал рядом с собой номинального главу государства царя Симеона Бекбулатовича [8, с. 176].

1586 г. апреля 10 – касимовский царь Мустафа-Али б. Абдула и царевичи крымский Мурад-Гирей б. Мухаммед-Гирей и сибирский Мухаммед-Кул б. Атаул присутствовали на приеме польского посланника М. Гарабурды [9, с. 374].

1586–1591 гг. – в Астрахани проживал царевич Мурад-Гирей. Он активно использовался в крупной политической игре, направленной на нейтрализацию Крыма и подчинение Москве Большой и Малой Ногайских Орд. В частности, царевич принимал посольства от мирз и самих мирз из Большой Ногайской

Орды. Приезжали сюда и гонцы из Крыма [РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. 1586 г. – Д. 13 и др.]. Крымский царевич в данный период выполнял определенные дипломатические функции. Он являлся неким промежуточным звеном для ряда посольств на пути к московскому царю. Они считали необходимым заручиться грамотой от царевича к московскому царю с просьбой поддержать их прошения. Так, 20 октября 1588 г. в Москву прибыли кабардинские послы от Шиха князя Окоцкого, племянник Байтевя, и Алкаса князя, Асланбек с гонцами от Мурад-Гирея. Горские князья били челом в службу, а Гирей просил поддержать их прошение [РГАДА. – Ф. 115. – Оп. 1. 1588 г. – Д. 2. – Л. 2, 6].

1590 г. мая 10 – нововыезжий самаркандский царевич Шихим (Шейх-Мухаммед б. Мухаммед) был принят после персидских послов, с которыми добрался до Москвы [10, с. 120–121]. На приеме присутствовал крымский царевич Мурад-Гирей [8, с. 158].

1594 г. – казахский царевич Ураз-Мухаммед б. Ондан имел встречу с казахским послом Кул-Мухаммедом с глазу на глаз без представителей московского царя. Она состоялась в поместье царевича [РГАДА. – Ф. 122. – Оп. 1. 1594 г. – Д. 1].

1595 г. март – царевич Ураз-Мухаммед по поручению царя Федора Ивановича пишет грамоту казахскому хану Таваккулу о посылке к нему посланника В. Степанова [РГАДА. – Ф. 122. – Оп. 1. 1595 г. – Д. 2. – Л. 22].

1594/95 г. при приеме польского посла М. Варкича присутствовали астраханский царевич Арслан-Али б. Абдула и царевич Ураз-Мухаммед б. Ондан [РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. 1659 г. – Д. 1. – Л. 1].

1596/97 г. на приеме цесарского посла Авраама Будграда присутствовали царевичи Арслан-Али, Мухаммед-Кул и казахский Ураз-Мухаммед [РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. 1659 г. – Д. 1. – Л. 2]. Скорее всего, речь идет о приеме 22 мая 1597 г. посла бургграфа Донавского [11, с. 37].

1598 г. весна–лето – по татарским вестям в походе против несостоявшегося крымского прихода участвовали царевичи Арслан-Али, Ураз-Мухаммед, Мухаммед-Кул, самаркандский Шейх-Мухаммед. Позднее царевичи присутствовали в Серпухове при встрече крымских посланников Алея мирзы с товарищами [12, с. 46–47].

1599 г. январь – въезд в Москву большой группы сибирских царевичей, цариц и царевен совместили с въездом императорского гонца [13, с. 88–89].

1601 г. март – касимовский царь Ураз-Мухаммед б. Ондан присутствовал на отпуске польского посла Яна Сапеги.

1602 г. сентября 11 – Ураз-Мухаммед присутствовал на приезде датского принца Иоанна Фредериковича [14, с. 15–16; 15, с. 17].

1604 г. октября 11 – за обедом, данным в честь английского посла Т. Смита, царю Борису Годунову прислуживал кто-то из сибирских царевичей. Предположительно Арслан б. Али [16, с. 36, 40]. Однако мы не можем упоминаемых татарских князей однозначно отождествить с сибирскими царевичами.

1605 г. июнь (?) – Т. Смит был приглашен в шатер к Лжедмитрию I до его вступления в Москву на обед (пир) в честь некоего татарского хана (касимовского царя Ураз-Мухаммеда?) [16, с. 93].

1605 г. июня 21 – Лжедмитрий I принял Ураз-Мухаммеда в один день со шведским царевичем Густавом и крымским гонцом Ян-Ахмет-Челибеом [РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. 1604 г. – Д. 2. – Л. 173].

1614 г. 30 октября – касимовскому царю Арслан б. Али велено присутствовать при приеме датского посланника Ивервинта. Прием состоялся без касимовского царя, он сказался больным [РГАДА. – Ф. 53. – Оп. 1. 1614 г. – Д. 1. – Л. 162–166; Ф. 131. – Оп. 1. 1614–1621 гг. – Д. 1. – Л. 1–4].

1616 г. – царь Арслан принят в один день с английским посланником Д. Мериком [17, стб. 220–222].

1617 г. ноября 18 – царь Арслан присутствовал при приеме послов персидского шаха Аббаса Коя Салтана и Булан-Бека. «А сидел от государя по правую сторону, пропустя от государя на другой стороне первое окошко [17, стб. 304–306].

1624/25 г. – хивинский (ургенчский) царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед принимал у себя дома гонца ургенчского царевича Исфендияра, своего брата.

1633/34 г. – Авган принимал у себя дома гонца от племянников и хана Исфендияра [18, с. 101].

1638 г. апреля 18 – у государя на отпуске были сибирский царь Али б. Кучум и царевич Алтанай б. Кучум, а также купец персидского шаха Агасана [19, с. 569–570].

1640/41 г. – Авган принимал у себя дома гонца от племянников и хана Исфендияра.

1642/43 г. – Авган принимал у себя дома посла из Ургенча.

1644/45 г. – Авган принимал у себя ургенчского гонца Байрата Колкошаева и бухарского посла [18, с. 101].

1655 г. декабря 19 – на приезде шведского посла Густова Белки присутствовали царевичи касимовский Василий Арасланович (Сеит-Бурхан б. Арслан), сибирские Петр и Алексей Алексеевич (Дост-Мухаммед б. Алтанай и Иш-Мухаммед б. Алтанай) [20, стб. 16].

1656 г. мая 4 – на приеме цесарского посла Алгарета де Алегретуса присутствовали (были у стола) царевичи Петр и Алексей Алексеевичи и Василий Арасланович [21, стб. 492].

1658 г. июня 6 – на приезде грузинского царя Теймураза Давыдовича у стола присутствовали царевичи касимовский Василий Арасланович и сибирские Петр и Алексей [21, стб. 497, 501].

1667 г. октября 20 – на приеме польских послов Станислава-Казимира Беневского и Киприана Павла Берестовского присутствовали царевичи Василий Арасланович и Петр и Алексей Алексеевичи [21, стб. 675–677].

1668 г. июня 5 – на отпуске антиохийского патриарха Макария находились царевичи Василий Арасланович и Петр и Алексей Алексеевичи «А сидели повыше бояр на той же лавке, а не в том месте, где садятся, а были в золотах» [21, стб. 763].

1675 г. января 11 – царевичи сибирский Алексей Алексеевич и касимовский Михаил Васильевич присутствовали на приеме шведского гонца [21, стб. 1176].

1675 г. февраля 3 – царевичи Алексей Алексеевич и Михаил Васильевич присутствовали на приеме кизылбашских послов [21, стб. 1216].

Здесь, судя по всему, приведены далеко не все случаи. Со временем, видимо, можно будет обнаружить и другие.

Таким образом, мы можем подвести некоторые итоги. Традиция присутствия служилых Чингисидов на приемах государем московским иностранных дипломатов имеет глубокую историю. Она просуществовала весь XVI в. и большую часть XVII в. Ее цель очевидна – поднять престиж великого князя, впоследствии царя, в глазах сопредельных государств. В этом же ряду находится выкладывание напоказ на аудиенциях царских венцов-«шапок» (Казанская, Астраханская, Сибирская), символизирующих татарские царства. Во второй четверти XVII в. о данной традиции начинают забывать. Однако здесь встречается определенный суррогат, когда Чингисид принимал у себя дома послов и гонцов из тех стран, откуда он был родом. Это можно объяснить и общим кризисом института служилых Чингисидов того времени. Наиболее явно это заметно по экспериментам со статусом крестившихся царевичей. Вспомнили о прежней практике только после 1654 г., после крещения всех наличных царевичей. Но если раньше в данных церемониях принимали участие Чингисиды, проживавшие в Москве или специально вызываемые для этого в столицу и преимущественно мусульмане, то теперь данный обряд превратился в одну из разновидностей придворной службы крещеных царевичей. Однозначно о его существовании можно говорить только до конца правления Алексея Михайловича. В дальнейшем, судя по всему, от него отказались. Скорее всего, не последнюю роль здесь сыграла болезнь Федора Алексеевича и определенный кризис власти после его смерти. При других условиях Чингисиды

могли играть роль статистов во время приема дипломатов еще некоторое время.

2. Участие в церемониях государственных свадеб

Крещеные Чингисиды принимали участие в свадьбах, носивших государственный характер. Это свадьбы великих князей московских (царей), их родственников, а также самих Чингисидов, принявших православие. Сделаем попытку восстановить весь список.

1506 г. января 25 – свадьба царевича Петра Ибрагимовича (Худайкул б. Ибрагим) и сестры Василия III княжны Евдокии [22, стб. 375 ; 23, с. 245].

В первой половине XVI в. казанский царевич Федор Мелектагирович (Молейгдарович, Даирович) женился на Евдокии Долголяцкой, дочери князя Петра Дмитриевича Ростовского и княгини Анны Борисовны, дочери князя Бориса Васильевича Волоцкого, родного брата Ивана III, и Ульяны Михайловны (Холмской).

1530 г. июня 11 – (по другим данным, это произошло еще в 1529 г.) Анастасию Петровну, первую дочь царевича Петра Ибрагимовича, выдали замуж за князя Федора Михайловича Мстиславского [24, с. 128].

1538 г. июня 6 – дочь царевича Петра Ибрагимовича, также Анастасию, выдали за князя Василия Васильевича Немого Шуйского [25, с. 26 ; 26, с. 25].

1547 г. февраля – на свадьбе царя Ивана IV и царицы Анастасии присутствовала боярыня княгиня Анастасия Петровна, вдова князя Василия Васильевича Шуйского, дочь царевича Петра Ибрагимовича, двоюродная сестра царя. Была у постели, т.е. должна была отвечать за подготовку постели новобрачных [27, с. 10].

1553 г. ноября 5 (2 [28, с. 113]) – Иван IV женил казанского царя Симеона Касаевича (Ядгар-Мухаммед б. Касай) на дочери Андрея Клеопина Михайловича Кутузова и Авдотьи Семеновны Воронцовой Марии. Свадьба проходила у государя в брусняной избе. Здесь же присутствовали Иван Грозный и его брат князь Юрий Васильевич с царицей и княгиней. Роль тысяцкого на ней исполнял «слуга» князь Михаил Иванович Воротынский, друзьями являлись окольные Владимир Васильевич Морозов, Федор Михайлович Нагой, Иван Яковлевич Чоботов и казначей Федор Иванович Сукин. Их жены были свахами. Венчание провел в Благовещенском соборе Московского Кремля владыка крутицкий Савва [29, с. 57 ; 30, с. 456].

1554 г. ноября 8 – Иван IV женил князя Ивана Дмитриевича Бельского на княжне Марфе Васильевне, дочери Василия Васильевича Шуйского и Анастасии Петровны, дочери царевича Петра Ибрагимовича. «А давал государь от себя». На свадьбе присутствовали московский царь с царицей. В тысяцких значился боярин Петр Иванович Шуйский. Князь

ми дружками были боярин Василий Михайлович Юрьев и окольничий Федор Михайлович Нагой. Дружки княгини окольничий Иван Яковлевич Чоботов и казначей Федор Иванович Сукин. Их жены являлись свахами [29, с. 73 ; 30, с. 479].

1555 г. апреля – на свадьбе князя Владимира Андреевича Старицкого и Авдотьи Романовны Одоевской роль тысяцкого выполнял царь Симеон Касаевич. Иван Грозный был в отцовом месте. Здесь же за большим столом сидела боярыня княгиня Марфа Васильевна Бельская, внучка царевича Петра Ибрагимовича и двоюродная племянница Ивана IV [29, с. 80 ; 27, с. 15].

1555 г. – царицу Ельякши (Ульяну), супругу астраханского царя Ямгурчи б. Бердибека после крещения выдали за Захария Ивановича Плещеева [31, с. 253].

1571 г. октября – на свадьбе Ивана Грозного с Марфой Собакиной царевич Михаил Кайбулович сидел у государя за столом [29, с. 86–92; 32, с. 285].

В самом начале 70-х гг. XVI в. царь женил астраханского царевича Михаила Кайбуловича (Муртоза-Али б. Абдула) на дочери Ивана Большого Васильевича Шереметева [33, с. 161].

1573 г. – на свадьбе герцога Магнуса и Марьи Владимировны, дочери удельного князя Владимира Андреевича, в тысяцких значился царевич Михаил Кайбулович. Здесь же присутствовали сам Иван IV, его сын Иван и удельный князь Василий Владимирович [32, с. 329 ; 29, с. 97–103].

Не ранее 1573 г. Иван IV женил своего племянника по второй супруге, Марии Темрюковне, царя касимовского Симеона Бекбулатовича (Саин-Булат б. Бекбулат) на своей внучатой племяннице Анастасии Ивановне Мстиславской, правнучке царевича Петра Ибрагимовича [34, с. 48–49]. Если верить Московскому летописцу, то на свадьбе Иван IV был «в отцовом месте», его сын Иван Иванович был тысяцким. Роль друзей жениха выполняли князья Василий Васильевич Голицын и Петр Иванович Татев, друзей невесты – Иван Васильевич Шереметев и князь Дмитрий Иванович Хворостинин. Их жены были свахами [35, с. 226].

Не ранее 1600 г. сибирский царевич Андрей Кучумович (Абу-л-Хайр б. Кучум) женился на княжне Ирине Федоровне, дочери боярина князя Федора Андреевича Ноготкова-Оболенского и княгини Марии Семеновны, урожденной Косткиной [36, с. 396 ; 37, с. 60].

1623 г. февраля (не ранее 10 числа) 1623 г. астраханский царевич Михаил Кайбулин (Кутлуг-Гирей б. Арслан-Али) женился на Марии Григорьевне Ляпуновой [17, стб. 537–543 ; 29, с. 56].

1671 г. января 22 – на свадьбе царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной

присутствовали царевичи сибирский Петр Алексеевич и касимовский Василий Арасланович, «сидячие с государеву сторону»; сибирский царевич Алексей Алексеевич, «сидячие с государыни царицыну сторону». Их жены – сидячие боярыни в том же порядке [38, с. 20].

Более поздних упоминаний обнаружить не удалось. Возможно, на этом их участие в свадьбах прекратилось. Далеко не все из перечисленных свадеб попали в разрядные книги, дворцовые разряды и летописные сообщения. Но у нас есть все основания отнести их к имеющим государственный статус. Мы видим, что вплоть до начала XVII в., благодаря отмеченным союзам крещенные цари и царевичи (великих князей) зачастую становились родственниками и свойственниками московских царей (великих князей). В этом следует видеть одну из причин, хотя и не единственную, получения ими данного статуса. Но нельзя забывать и того, что они занимали промежуточное положение между представителями правящей династии и боярством. Во второй половине XVII в. Чингисиды рождаются с московскими государями через браки с их родственницами (свойственницами) по женской линии. Однако данные браки в отличие от таковых XVI в. уже не подпадают под носящие государственный характер.

3. Торжества по случаю рождения детей

В 1560 г. казанский царь Александр Сафакиреевич вместе с царской семьей присутствовал «на радости» по случаю рождения дочери у двоюродного брата Ивана Грозного, князя Владимира Андреевича Старицкого [29, с. 325–326; 39, с. 285]. Во второй половине XVII в. крещенные царевичи принимали участие в церемониях по случаю рождения царских детей (поздравлениях) наряду с остальными придворными [40].

4. Участие в церемонии венчания на царство

В венчаниях московских государей на царство царевичи, судя по всему, начинают принимать участие только в конце XVII в. Любые попытки удревнить данную практику не подкрепляются документально [41, с. 71]. Известно только два упоминания.

1676 г. июня 18 – касимовский царевич Василий Арасланович трижды осыпал золотыми деньгами царя Федора Араслановича [40, с. 402].

1682 г. апреля 27 – сибирские царевичи Григорий и Василий Алексеевичи осыпали царей Петра и Ивана золотыми по выходе их из Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов и по вступлении их на Красное Крыльцо [37, с. 70].

По известным причинам данная традиция не получила и не могла получить дальнейшего развития, хотя ее появление было закономерным и вполне логичным для мироощущения царя Алексея Михайловича. Здесь мы видим, как идеи отца были подхвачены сыном или его ближайшим окружением.

5. Участие в религиозных церемониях

В религиозных церемониях Чингисиды стали принимать участие достаточно рано. Это, прежде всего, крещение и предшествующие ему процедуры (оглашение) ряда татарских царей и царевичей на протяжении всего XVI в. Все это происходило при большом стечении народа, в ряде случаев на льду Москва-реки, зачастую в присутствии великого князя (царя) московского, придворных и высших иерархов церкви [36, с. 396 ; 31, с. 1–2, 229, 253 ; 42, с. 376, 539–540]. Тем самым народ московский наглядно лицезрел торжество православной веры, осветившей путь истины и для басурманских царей. Эти неопиты составляли особую группу придворных, главной, и практически единственной задачей которых являлось возвеличивание своего государя. Как истинные православные они просто были обречены сопровождать великого князя (царя) во время всех его торжественных выходов. Этим выполнялась и определенная идеологическая задача.

Идеологический подтекст выходит на первое место, к примеру, тогда, когда казанские ханы Александр Сафакиреевич и Симеон Касаевич присутствовали 1 октября 1560 г. в Москве на освящении церкви Покрова Пресвятой Богородицы на рву, построенном в память о казанском взятии [31, с. 320].

Возможно, некий религиозный подтекст носили и приемы некрещеных царевичей, осуществляемые государем в дни крупных церковных праздников. Так, Михаил Федорович принял у себя касимовского царевича Сеит-Бурхана б. Арслана на Вербное Воскресенье (1633 г. апреля 14) до церемонии «вождения осяти», что и было особо отмечено в приказной справке [РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. 1653 г. – Д. 4. – Л. 8–9]. Точно так же в 1638 г. встреча на приезде сибирского царя Али б. Кучума и его брата царевича Алтаная была на Вербное Воскресенье (18 марта) [19, стб. 563]. С одной стороны, Чингисид должен был видеть толпы любопытствующего народа, собравшегося насладиться ежегодным зрелищем. Но и народ наблюдал за приездом татарского царевича. Можно предположить иную интерпретацию приемов татарских царей в дни крупных религиозных праздников. Этим московские государи символически повторяли отдельные эпизоды земной жизни Христа, в данном случае приход волхвов (восточных царей) к новорожденному Спасителю. Но здесь еще требуются дополнительные исследования. У нас имеются косвенные данные, позволяющие предположить, что это, по крайней мере, в царствование Михаила Федоровича, было обычной практикой. Дело в том, что царевич Авган ежегодно получал продуктовые дачи «в стола место» по случаю Рождества Христова, Пасхи, Богоявления, Вербного Воскресенья, именин царя и ца-

ревичей. Подобным дачам, как правило, предшествовало позволение видеть «царские очи» или же в качестве знатного статиста наблюдать за государевым проходом во время очередной церемонии [18, с. 107].

Начиная с 1654 г., Чингисиды становятся постоянными участниками придворных церемоний. Теперь они бывают во дворце практически ежедневно, регулярно присутствуют на различных религиозных церемониях с участием московского государя. Дворцовые разряды фиксировали далеко не все события. Но, несмотря на это, мы имеем возможность проследить определенную закономерность в их «использовании» в тех или иных обрядах. Если классифицировать все известные нам упоминания, то здесь представляется следующая картина. В своей основе это были крестные ходы. При этом все царевичи одновременно принимали участие в тех или иных действиях редко. Судя по всему, тут имелся некий скользкий график. Когда подросли дети Василия Араслановича и Алексея Алексеевича, они стали замещать своего отца. Так, Михаил Васильевич начинает регулярно появляться в разрядах с 1674 г. и тогда же из них исчезает его отец.

Можно предположить, что в ряде случаев царевичи своим присутствием как бы замещали московского государя и освящали данную церемонию. В ряде случаев в дворцовых разрядах можно прочитать: «А выходу великому государю к действию не было. А быти у действия по указу великого государя: касимовской царевич Василий Арасланович...» [21, стб. 713]. Нужно отметить, что сюда же следует отнести и многочисленные упоминания о присутствии крещеных Чингисидов за столом патриарха Никона. Скорее всего, это был один из многочисленных пунктов программы патриарха по возвеличиванию своего положения. Этим он подкреплял свои права на вселенскость и как минимум на равенство своего положения царскому [20, стб. 16–127].

После смерти Алексея Михайловича участие Чингисидов в данных церемониях постепенно сходит на нет. Прекращаются приглашения к царскому и патриаршему столам. Упоминание об участии Петра I в крестных ходах со временем значительно сокращается. Он занят иными заботами. Со временем (конец 90-х гг. XVII в.) создаются даже специальные росписи участников придворных чинов (в том числе и царевичей) в тех или иных крестных ходах на несколько недель или даже месяцев вперед [43, стб. 1048–1053]. Это становится обычной практикой.

6. Участие в иных государственных церемониях

Следует сказать, что порой сложно разграничить участие в придворных и государственных церемониях. К тому же в них зачастую присутствует и определенный религиозный фактор. Они взаимно перепле-

тены между собой. Поэтому здесь имеет смысл, по крайней мере, упомянуть о некоторых иных церемониях, отраженных в дворцовых разрядах, в которых участвовали Чингисиды и в первую очередь это, конечно, относится к именинам членов царской семьи, рождению царских детей, празднованию «новогодия» (1 сентября). В данном случае мы можем говорить только о крещеных Чингисидах. Эта практика существовала уже в XVI в. Но мы имеем информацию, главным образом, по XVII в. Видно, что при Алексее Михайловиче Чингисиды становятся постоянными участниками всевозможных торжеств. Так, в 1648 г. сибирский царевич Василий Ишимович становится завсегдатаем придворных церемоний. Этому он был обязан пожалованием ему чина кравчего. К тому же московский царь Алексей Михайлович испытывал к нему определенную привязанность. Известно, что во время «московского смятения» июня 1648 г. он неотлучно находился «вверху» у государя [РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. 1648 г. – Д. 11]. Начиная с 1654 г., в столице постоянно присутствовали крещеные царевичи, которых можно было использовать в рассматриваемых целях. Однако с 1676 г. приглашения к столам постепенно прекращаются. А церемонии начинают проходить несколько обыденно.

По формальным признакам сюда можно отнести и номинальное участие служилых татарских царей и царевичей в руководстве полками во время военных действий. Это касается XVI и второй половины XVII вв. Особое значение приобретало участие служилых Чингисидов казанского происхождения со своими военными отрядами в казанских походах. Тем самым они приобретали статус формально легитимных акций, призванных возвести на престол законного (по версии Москвы) царя.

С середины XVI в. военное значение отрядов Чингисидов неуклонно сокращается. Если на раннем этапе их подразделения были полностью автономны [44], то далее они включались как составная часть в те или иные полки русской армии. Наличие татарских царей в полках московского царя превращало их в армию многих народов под руководством православного государя. Наиболее характерными в этом смысле были кампании 1558 [45, с. 17–20], 1563 [46, с. 119–154], 1577 [32] гг. во время Ливонской войны. К тому же слухи о невероятной жестокости татарских отрядов служили неким психологическим оружием и в некоторой степени помогали России. После смерти Ивана Грозного это почти не практиковалось. Последний зафиксированный случай – Серпуховской поход царя Бориса Годунова 1598 г. [12]. Это была определенная военно-политическая демонстрация, призванная повысить престиж нового государя.

В эпоху Смутного времени татарские царевичи также использовались в военно-идеологических це-

лях. Однако документов об этом сохранилось мало. К тому же подобное использование не носило столь яркий и демонстративный характер. При Михаиле Федоровиче об этом не вспоминали вовсе.

Об идеологическом использовании имен Чингисидов во время военных кампаний вспомнили при Алексее Михайловиче. Но это было лишь слабым отзвуком прежней традиции. Во второй половине XVII в. зафиксировано только три подобных случая (1656, 1664, 1678 гг.). При этом в 1656 г. царевичи находились только в свите московского царя. Иностранцы в своих записках достаточно реально оценивают их значение в принятии конкретных решений, и у них теперь действительно осталось только имя [47]. Говорят об этом и делопроизводственные документы московских приказов [48, с. 389–392].

Особняком следует поместить упоминания о службах Михаила Кайбуловича и Симеона Бекбулатовича в 70-е гг. XVI в. Один возглавлял Земскую Боярскую Думу в 1571/72 г. [7, с. 219–228], другой был московским царем. Но на их долю выпало только следование определенному церемониалу. Реальная власть по-прежнему была у Ивана Грозного. Здесь нужно отметить, что «царствование» Симеона было рассчитано на сугубо российское восприятие. Иностранцев гонцов и послов принимал сам Иван Грозный. Симеон мог только в ряде случаев присутствовать при этом и даже сидеть рядом [8, с. 176].

7. Присяги царям

В присяге новому царю нет ничего необычного. До принятия православия Чингисиды приносили шерть. После крещения они должны были присягать вместе с другими членами государева двора. При этом царевичи всегда ставились перед боярами и открывали список [21, стб. 1636]. Следует отметить, что, судя по сохранившимся документам, мусульмане приносили шерть достаточно нерегулярно. Это относится не только к царевичам, но и к мирзам. Так, после провозглашения царем Алексея Михайловича ургенчский царевич Авган-Мухаммед, постоянно проживавший в Москве, принес шерть практически сразу по объявлении нового царя [РГАДА. – Ф. 134. – Оп. 1. 1630 г. – Д. 1. – Л. 598–603]. Иные знатные мусульмане, проживавшие в Касимове, Романове и Ярославле, были вызваны в столицу для шертования только летом 1653 г. [РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. 1653 г. – Д. 3, 4]. При изменении статуса того или иного царя или царевича (в частности, пожаловании городом) приносилась новая шерть [РГАДА. – Ф. 134. – Оп. 1. 1622 г. – Д. 1. – Л. 4–5].

8. Участие в похоронах

Крещеные Чингисиды принимали участие в похоронах великих князей московских (царей) и членов их семей.

1513 г. – Петр Ибрагимович присутствовал на похоронах своей супруги княгини Евдокии Ивановны.

1523 г. 13 марта – на похоронах царевича Петра Ибрагимовича, скорее всего, присутствовали другие крещеные царевичи, в том числе, предположительно, Федор Мелегдаирович.

1538 г. 3 апреля – умерла великая княгиня Елена Васильевна Глинская. На ее похоронах присутствовала княгиня Анастасия Петровна Мстиславская, дочь царевича Петра Ибрагимовича [39, с. 127].

1541 г. 17 декабря – умерла княгиня Анастасия Петровна, дочь Петра Ибрагимовича, супруга князя Федора Михайловича Мстиславского. Федор Мелегдаирович вполне мог участвовать в похоронах своей двоюродной сестры.

В 1560 г. царь Александр Сафакиреевич принимал участие в погребении царицы Анастасии Романовой [39, с. 288].

1670 г. – на похоронах царевича Алексея Алексеича присутствовали касимовский Федор Васильевич и сибирские царевичи.

1676 г. – в похоронах царя Алексея Михайловича принимали участие (шли за телом) царевичи касимовские Василий Арасланович, Василий Васильевич и сибирский Петр Алексеич. Они шли сразу же за царем Федором Алексеичем [21, стб. 1643].

1682 г. апреля 27 – сибирский царевич Алексей Алексеич прощался с телом царя Федора Алексеича.

Возможно, Чингисиды присутствовали и на иных похоронах тех или иных представителей царской семьи. Тем более, что они находились в свойстве с представителями правящих династий.

9. Боярыни у цариц (великих княгинь)

Известно, что во второй половине XVII в. ряд жен касимовских и сибирских царевичей назывались приезжими боярынями московских цариц. Время от времени они упоминаются как участницы церемоний во дворце. Как правило, присутствовали у столов [40, 37]. У нас есть данные, позволяющие предположить, что подобная практика существовала и ранее. Так, княгиня Анастасия Петровна Мстиславская, дочь царевича Петра Ибрагимовича, была первенствующей боярыней при великой княгине Елене Васильевне Глинской. В частности, она упоминается при визите к великой княгине царицы Фатимы-султан, супруги царя Шах-Али б. Шейх-Аулеара в 1536 г. [39, с. 22–23]. Высокое положение должны были занимать при дворе супруги Симеона Касаевича, Симеона Бекбулатовича, Михаила Кайбуловича, а также Василия Ишимовича.

Таким образом, мы можем утверждать, что московские государи достаточно активно использовали Чингисидов в XVI–XVII вв. во время различных

придворных и государственных церемоний. При этом в разные периоды имелись свои особенности. Так, эпохе Василия III были свойственны определенные эксперименты. Дело в том, что зачастую московским идеологам того времени приходилось создавать новые или кардинально видоизменять старые формы использования служилых представителей «золотого рода». Во многом это было связано с появлением крещеных царевичей. Можно предположить, что, к примеру, традиция присутствия Чингисидов на приеме иностранных послов формировалась, в том числе и благодаря статусу царевича Петра Ибрагимовича как великокняжеского зятя и возможного претендента на московский престол.

При Иване Грозном данные идеи получили дальнейшее развитие. Они выражались, в частности, в назначении царевичей по полкам в действующую армию и участию в приеме посольств. Но появляется и нечто новое. В данном случае речь идет о назначении Михаила Кайбуловича главой Земской Боярской Думы (1572 г.) и провозглашении Симеона Бекбулатовича великим князем московским.

В XVII столетии происходят серьезные изменения в отношении использования татарских царевичей в придворных и государственных церемониях. Первоначально от их услуг начали постепенно отказываться. Но все изменилось с провозглашением царем Алексея Михайловича. Новый государь решил возродить прежнюю практику, но в несколько видоизмененном виде. В первую очередь это касалось интенсивности их использования в повседневном церемониале и внедрения новых форм. Но после смерти царя достаточно быстро наметился процесс отказа от услуг служилых Чингисидов. Одномоментно этого произойти не могло. Петр I нашел, наверное, единственно правильное решение: дистанцируясь от обязательных церемоний Московской Руси, в которых должен был участвовать государь, он перепоручил их проведение представителям старого двора. Со временем они осуществлялись как бы сами собой, освобождая место церемониям новой, нарождающейся императорской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герберштейн С.* Записки о Московии / С. Герберштейн. – М., 1988.
2. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. – М. ; Варшава, 1997. – Т. II.
3. Известия англичан о России XVI в. // Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских при Московском университете. – 1884. – № 4.
4. Дневник ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу // Чтения в Обществе любителей истории

- и древностей российских при Московском университете. – 1886. – № 4.
5. Джекинсон А. Путешествие из Лондона в Москву. 1557–1558 гг. / А. Джекинсон // Англ. путеш. в Моск. гос. в XVI веке. – М., 1937.
6. Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века / А. Л. Хорошкевич. – М., 2003.
7. Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1910. – Т. 129.
8. Юзефович Л. А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – начало XVII в. / Л. А. Юзефович. – СПб., 2007.
9. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах / В. В. Вельяминов-Зернов. – СПб., 1863. – Ч. 1.
10. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. – СПб., 1890. – Т. I.
11. Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен / Н. И. Шишкин. – Рязань, 1999.
12. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1994. – Т. IV, ч. 1.
13. Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». (Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в.) / Л. А. Юзефович. – М., 1988.
14. Разрядная книга 1475–1605. – М., 2003. – Т. IV, ч. 2.
15. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвинг-Голштейнского в Россию 1602 г. // Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских при Московском университете. – 1911. – № 3.
16. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России. – СПб., 1893.
17. Дворцовые Разряды. – СПб., 1850. – Т. I.
18. Беляков А. В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. / А. В. Беляков // Тюркологический сборник. – 2006. – М., 2007. – С. 95–112.
19. Дворцовые разряды. – СПб., 1851. – Т. II.
20. Дополнение к Тому III Дворцовых Разрядов. – СПб., 1854.
21. Дворцовые Разряды. – СПб., 1852. – Т. III.
22. ПСРЛ. – М., 2001. – Т. VI, вып. 2.
23. ПСРЛ. – М., 2001. – Т. VIII.
24. Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А. А. Зимин. – М., 1988.
25. Зимин А. А. В канун грозных потрясений / А. А. Зимин. – М., 1986.
26. Козляков В. Н. Василий Шуйский / В. Н. Козляков. – М., 2007.
27. Разрядная книга 1475–1498 гг. – М., 1966.
28. Анхимюк Ю. В. Частные Разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начала XVII веков / Ю. В. Анхимюк. – М., 2005.
29. Древняя российская вивлиофика. – М., 1791. – Т. XIII, вып. 2.
30. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1978. – Т. I, ч. 3.
31. ПСРЛ. – М., 2000. – Т. XIII.
32. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1982. – Т. II, ч. 2.
33. Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев / С. Б. Веселовский. – М., 1969.
34. Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства / М. Г. Худяков. – М., 1991.
35. ПСРЛ. – М., 1978. – Т. XXXIV.
36. Анхимюк Ю. В. Разрядная книга 1598–1602 годов / Ю. В. Анхимюк // Рус. дипломатарий. – М., 2003. – Вып. 9. – С. 361–413.
37. Любимов С. В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы / С. В. Любимов. – Пг., 1915.
38. Древняя российская вивлиофика. – М., 1791. – Ч. VII, вып. 2.
39. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. XXIX.
40. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах / В. В. Вельяминов-Зернов. – СПб., 1866. – Ч. 3.
41. Лаврентьев А. В. Царевич–царь–цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг. / А. В. Лаврентьев. – СПб., 2001.
42. ПСРЛ. – М., 2005. – Т. XX.
43. Дворцовые Разряды. – СПб., 1855. – Т. IV.
44. Селезнев Ю. В. Русско-ордынские конфликты XIII–XV веков / Ю. В. Селезнев. – М., 2010.
45. Разрядная книга 1475–1605 гг. – М., 1981. – Т. II, ч. 1.
46. Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года / К. В. Баранов // Русский дипломатарий. – М., 2004. – Вып. 10. – С. 119–154.
47. Гордон П. Дневник 1677–1678 гг. / П. Гордон. – М., 2005.
48. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. / А. В. Малов. – М., 2006.

Филиал Московского психолого-социального института в г. Рязани

Беляков А. В., кандидат исторических наук
E-mail: feb@ru.ru
Тел.: 8-906-540-20-71

Moscow Psychological-Social Institute, Ryazan Branch
Belyakov A. V., Candidate of the Historical Sciences
E-mail: feb@ru.ru
Tel.: 8-906-540-20-71